

Два дня моросил дождь — то утихая, то вновь припускаясь, — но к утру занятия по верховой езде небо наконец расчистилось: ветер разогнал тучи, и день выдался ясным, солнечным. Правда, воздух всё ещё хранил сырую прохладу, и стоило подуть ветру, как каждый невольно кутался поплотнее.

В эту пору погода менялась без всякого порядка: холод сменялся теплом, а к полудню температура снова поднималась.

Конная площадка занимала немалую территорию — достаточно просторную, чтобы ученики могли пускать лошадей вскачь без опаски. На каждое занятие Цяо Лан выбирал одну и ту же лошадку по кличке Моли.

Смирная по нраву, невысокая ростом, Моли многим не нравилась: находились те, кому казалось, будто покорения достойны лишь рослые, норовистые скакуны.

— Моли-и-и~~

Цяо Лан всякий раз окликал лошадку именно так, растягивая гласные. Цю Игао, приглядывающий за конюшней, не удержался от смешка и сунул ему в ладонь морковку — да так цепко, что даже жутковато стало.

— Ужас как режет слух, — фыркнул он.

Цяо Лан принял морковку и направился к стойлу Моли. Обняв лошадку, забормотал:

— Моли, не слушай его. Иди сюда, вот вкусняшка.

Цю Игао усмехнулся:

— А морковку-то я тебе и дал.

Цяо Лан лишь помотал головой, притворяясь, будто не расслышал.

На конюшне держали множество лошадей: помимо академических, немало учеников привозили и собственных скакунов — чистокровных, породистых, для которых отвели отдельную часть площадки. К академическим же лошадям обращались лишь немногие.

А уж таких, как Цяо Лан, что прибежали заранее ради одного удовольствия пообщаться со своей лошадкой, — и вовсе можно было по пальцам пересчитать. Именно поэтому они с Цю

Игао постепенно сблизились: тот не раз подсказывал, как лучше поладить с Моли.

Моли слизнула морковку с ладони и боднула его мордой. Цяо Лан обхватил её шею руками, чуть не зарываясь лицом в гриву.

Лишь когда время занятия почти подошло, он вывел Моли наружу.

Большинство учеников держались в седле уверенно и в наставлениях академии не нуждались — верховая езда была для них просто одним из предметов, что выбирают ради удовольствия, а не по необходимости.

Инструктор требовался разве что стипендиатам особого набора.

Кое-кто из них жался поближе к «своим», позволяя обнимать себя за плечи и лапать у всех на глазах, покорно улыбаясь.

Цяо Лан лишь мельком взглянул и отвёл глаза.

С помощью ассистента он забрался в седло и осторожно прошёл полкруга. Убедившись, что всё в порядке, тот улыбнулся:

— Пожалуй, можно попробовать полосу препятствий. Вот только сегодня площадка...

Цяо Лан, поглаживая шею Моли, спросил с любопытством:

— Опять кто-то занял?

Конюшня давно стала для него ещё и местом наблюдений за здешней «светской жизнью» — Цяо Лан уже не раз становился свидетелем странных, ни с того ни с сего вспыхивающих состязаний: то перепалка, то попросту меряние силами.

— Не совсем, — ассистент покачал головой и понизил голос. — Просто кое-кто собирается заглянуть на конюшню.

Таким тоном обычно говорили лишь о тех, кого злить не смел никто.

Цяо Лан потянул поводья, решив увести Моли подальше.

— Моли, пошли.

Не спеша они добрались до тихого уголка у трибун, подальше от шума, и лишь там Цяо Лан по-настоящему дал волю скачке. Моли слушалась беспрекословно, чутко отзываясь на лёгкое нажатие пяток или натяжение поводьев, послушно меняя направление.

Мастерством наездника тут и не пахло, да и лошадь звёзд с неба не хватала.

На фоне солнца лица всадника было не разглядеть, но он уже мчался навстречу ветру, сам не заметив, как оставил позади всякую выучку, — просто стрела, сорвавшаяся с тетивы.

Чем дольше скакал Цяо Лан, тем сильнее его охватывал азарт.

Встречный ветер колот лицо, но ему хотелось хохотать во весь голос.

Лишь когда усталость не позволяла держать спину прямо, он натянул поводья, заставляя Моли сбавить ход, — и та наконец остановилась.

Цяо Лан спрыгнул с седла и, весь взмокший, обнял такую же взмыленную Моли.

— Умница, Моли, — он гладил её гриву, то и дело срываясь на смех. — Ты просто чудо.

После такой скачки всё тело было наполнено приятной лёгкостью.

Когда занятие закончилось, у Цяо Лана наконец появилось время подумать, что делать с «Судьбой 4». До этого он уже вытянул «Судьбу 5» (завести нового друга) и «Судьбу 6» (испытать вспышку неконтролируемого гнева) — первое не составило труда, а для второго весьма кстати подвернулся Линь Чжицзе. Оба задания выполнены без малейших усилий.

Оставалась лишь эта злосчастная «Судьба 4» да ещё не вытянутая «Судьба 7».

Цяо Лан уже уточнял у Системы условия «Судьбы 4»: требовалось проходить в платье несколько часов.

Задача не то чтобы трудная, но и лёгкой её не назовёшь.

Внешность у Цяо Лана была далеко не андрогинной, да ещё и рост — надень он женское платье, выглядело бы это, мягко говоря, странно.

Чтобы получилось хотя бы прилично, платье следовало выбирать со всей тщательностью.

От этого дела всё равно было не отвертеться, и в пятницу Цяо Лан решил съездить в Городок Заходящего Солнца.

Платьев у него не водилось.

О покупке платья, разумеется, никто не должен был узнать — отправиться предстояло тайком, в одиночку.

Наскоро приняв душ в общежитии, Цяо Лан сел на автобус.

Каждую неделю после обеда от академии в Городок Заходящего Солнца ходил автобус.

Правда, пользовались им в основном лишь такие, как он, — стипендиаты особого набора.

Уже в автобусе Цяо Лану пришло сообщение от Цю Цзямина.

[Цю Цзямин]: В последние дни ничего не случилось?

[Цяо Лан]: (стикер: выглядывает) Не-а, всё тихо.

[Цю Цзямин]: Раз ничего, то и ладно.

[Цяо Лан]: А что такое?

[Цю Цзямин]: Похоже, Ши Шэнся сам взялся утихомирить ту свору бешеных псов.

Цяо Лан припомнил последние занятия: изредка он и впрямь ловил на себе недобрые, украдкой брошенные взгляды, но по сравнению с тем, что едва не переросло в драку несколько дней назад, это можно было счесть почти дружелюбием.

[Цяо Лан]: И правда, в последнее время никто ко мне не цепляется.

[Цю Цзямин]: Хрен его знает, что на него нашло.

[Цю Цзямин]: Но раз у тебя всё спокойно — уже хорошо.

Цяо Лан отправил в ответ милый стикер с кивающей мордочкой.

Хе-хе, за последнее время он заметно преуспел в этом деле — таскал стикеры у всех подряд.

В Городке Заходящего Солнца Цяо Лан уже бывал однажды. Именно здесь он тогда дожидался машины из академии.

Но тогда он думал лишь о том, как бы поскорее добраться, и толком городок не разглядел. Только сейчас у него появилась возможность как следует его рассмотреть.

Городок стоял у моря: мощённые старым камнем улицы и запутанные переулки составляли его костяк, дышащий историей. У каждого дома пестрели цветы всех оттенков, а высокие и низкие башенки причудливо оживляли пейзаж.

Пробираясь по переулкам меж выщербленных временем каменных стен, Цяо Лан ощущал сырость воздуха с лёгкой солёной ноткой.

Впрочем, к здешней дождливой сырости он давно привык — в конце концов, Лес Жила круглый год щедро поливал дождями и саму Академию Артлан.

Он остановился в конце одного из переулков: над головой аркой вилась цветущая лоза, а по обеим сторонам красовались домики с изящными окошками, в стёклах которых отражались изгибы уходящей вверх лестницы. И вот в этом узком проулке, как оказалось, притаился крохотный магазинчик одежды.

Цяо Лан немало покружил по городку, прежде чем набрёл на такую лавочку. Народу здесь бывало мало — непонятно даже, на что она вообще существовала. Спрятанная в глухом закоулке, она была последним местом, куда заглянули бы богатые бездельники, приезжающие в городок развлекаться.

В маске и надвинутой на глаза шапке Цяо Лан входил внутрь с видом крадущегося воришки.

Встретиться взглядом с хозяином он не рискнул — сразу уставился на развешанную по сторонам одежду. Вещей в лавке было немного, всего пара-тройка рядов, а под самым потолком висело ещё несколько нарядов поприметнее — судя по всему, самых особенных.

Цяо Лан обошёл всё помещение и, задрав голову, остановил взгляд на белом атласном платье в пол.

Верх был скроен наподобие рубашки с короткими рукавами, а низ — с изящным разрезом, украшенным чёрно-золотой отделкой.

При виде разреза Цяо Лан испытал что-то вроде отчаяния, но выбирать не приходилось: это было самое длинное платье во всей лавке, а по его меркам — вполне себе красивое.

Про себя он взмолился всем богам сразу, лишь бы вкус его не подвёл, — второй раз сюда возвращаться совсем не хотелось.

Определившись с выбором, Цяо Лан наконец собрался с духом и взглянул на хозяина лавки — тот уже давно посматривал на него, опасаясь, не вор ли забрёл в лавку. Но стоило Цяо Лану

заговорить, раздался звонкий мужской голос, судя по звучанию — совсем ещё молодой.

— Простите, а какой размер у этого платья?

Мужское телосложение обычно крупнее женского, и, как бы Цяо Лану ни приглянулось платье, размер мог не подойти.

Судя по голосу, покупатель не походил на злоумышленника, и хозяин снова расслабился, приняв прежний ленивый вид:

— Это платье большого размера, обычной девушке не налезет.

Само по себе платье было красивым, вот только из-за размера так и провисело здесь без покупателя.

Цяо Лан помялся:

— ... Это я хочу его надеть.

Долго собираясь с духом, он смог выдавить из себя только эту фразу — под маской даже уши у него залились краской.

Хозяин, до того едва не развалившийся на стуле, резко выпрямился. Ого!

Цяо Лан: слёзы мужественного мужчины [расплавился]

<http://bllate.org/book/19566/1934286>